

18. *Поппер, К.* Логика научного исследования / К. Поппер. — М. : Республика, 2004.
Popper, K. Logika nauchnogo issledovanija / K. Popper. — М. : Respublika, 2004.
19. Прогресс психологии: критерии и признаки / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. — М. : Ин-т психологии РАН, 2009.
 Progress psihologii: kriterii i priznaki / pod red. A. L. Zhuravleva, T. D. Marcinkovskoj, A. V. Jurevicha. — М. : In-t psihologii RAN, 2009.
20. *Сарбин, Т. Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии / Т. Р. Сарбин // Постнеклассическая психология. — 2004. — № 1. — С. 6—28.
Sarbin, T. R. Narrativ kak bazovaja metafora dlja psihologii / T. R. Sarbin // Postneklassicheskaja psihologija. — 2004. — № 1. — S. 6—28.
21. *Сергиенко, Е. А.* Модель психического как парадигма познания социального мира / Е. А. Сергиенко // Психол. исследования. — 2014. — Т. 7, № 36. — Режим доступа: <http://psystudy.ru>
Sergienko, E. A. Model' psihicheskogo kak paradigma poznanija social'nogo mira / E. A. Sergienko // Psihol. issledovanija. — 2014. — Т. 7, № 36. — Rezhim dostupa: <http://psystudy.ru>
22. Социальная психология в современном мире / род. ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. — М. : Аспект Пресс, 2002.
 Social'naja psihologija v sovremennom mire / rod. red. G. M. Andreevoj, A. I. Doncova. — М. : Aspekt Press, 2002.
23. *Фейерабенд, П.* Против метода : Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. — М. : АСТ : Хранитель, 2007.
Fejerabend, P. Protiv metoda : Ocherk anarhistskoj teorii poznanija / P. Fejerabend. — М. : AST : Hranitel', 2007.
24. *Чуприкова, Н. И.* Психология умственного развития: принцип дифференциации / Н. И. Чуприкова. — М., 1997.
Chuprikova, N. I. Psihologija umstvennogo razvitija: princip differenciacii / N. I. Chuprikova. — М., 1997.
25. *Шмид, В.* Нарратология / В. Шмид. — М. : Языки славянской культуры, 2008.
Shmid, V. Narratologija / V. Shmid. — М. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2008.
26. *Штерн, В.* Дифференциальная психология и ее методические основы / В. Штерн. — М. : ИП РАН : Наука, 1998.
Shtern, V. Differencial'naja psihologija i ee metodicheskie osnovy / V. Shtern. — М. : IP RAN : Nauka, 1998.
27. *Юревич, А. В.* Социальная психология науки / А. В. Юревич. — СПб. : РХГУ, 2001.
Jurevich, A. V. Social'naja psihologija nauki / A. V. Jurevich. — SPb. : RHGU, 2001.
28. *Ярошевский, М. Г.* Историческая психология науки / М. Г. Ярошевский. — СПб. : Наука, 1994.
Jaroshevskij, M. G. Istoricheskaja psihologija nauki / M. G. Jaroshevskij. — SPb. : Nauka, 1994.
29. *Bertalanffy, L. von.* Modern Theories of Development / Transl. by J. H. Woodger. — N. Y. : Harper Torchbooks, 1962.
30. *Freeman, M.* Narrative integrity. Autobiographical identity and the meaning of the «good life» / M. Freeman, J. Brockmeier // Narrative and identity: studies in autobiography, self, and culture / ed. by J. Brockmeier, D. Carbaugh. — Amsterdam, 2001. — P. 75—103.
31. *Harré, R.* The Discursive Mind / R. Harré, G. Gillett. — London : Sage, 1994.
32. *Harré, R.* Metaphysics and narrative. Singularities and multiplicities of self / R. Harré // Narrative and identity: studies in autobiography, self, and culture / ed. by J. Brockmeier, D. Carbaugh. — Amsterdam, 2001. — P. 59—73.
33. *Nelson, K.* Event knowledge and cognitive development / K. Nelson // Event Knowledge : Structure and Function in Development / ed. by K. Nelson. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1986.
34. *Voneche, J.* Identity and narrative in Piaget's autobiographies / J. Voneche // Narrative and identity: studies in autobiography, self, and culture / ed. by J. Brockmeier, D. Carbaugh. — Amsterdam, 2001. — P. 219—245.

А. А. Пелипенко

Концепции эволюции и развития в смыслогенетической теории культуры

Статья посвящена краткому изложению эволюционной концепции в смыслогенетической теории культуры. Остановившись на некоторых методологических вопросах, связанных с общими научными и мировоззренческими подходами, автор, помимо критических замечаний, заявляет и собственную концепцию. Состоит она в трактовке эволюционного процесса как двунаправленного: образно говоря, горизонтального и вертикального. Если горизонтальный вектор эволюции направлен в сторону адаптаций и специализаций уже существующих форм, то вектор

вертикальный порождает качественно иные, новые формы. Предварительное разъяснение этой дихотомии и соотнесение ее с термином «развитие» и составляет главное содержание статьи.

Ключевые слова: эволюция, развитие, психосфера, психосферная медиация, вектор, субъектность, культура, динамика, горизонталь, вертикаль.

Термин «развитие» зонтичный. Под ним может пониматься все что угодно. И, как и во многих иных случаях с зонтичными терминами, даже чуть более внимательный анализ «зонтичного дискурса» приводит к тупиковым положениям, когда выясняется, что тот или иной автор сам не представляет, о чем именно он говорит. Неподатливость зонтичных терминов (таких, к примеру, как «сложность», «эволюция», «человек», «развитие» и т. п.) в том, что они располагаются на территории узаконенной эпистемологической анархии. Иными словами, каждый вправе понимать под ними свое, не соотнося свое понимание с другими. Ни о какой картезианской ясности понятий или даже о временных консенсусах давно говорить не приходится. Поэтому перечислять, кто, что и когда понимал под развитием, — дело совершенно бессмысленное. Остается одно — предложить свое понимание.

В русле смыслогенетической теории, которую автор разрабатывает на протяжении ряда лет, идея *развития* тесно связана с *эволюционным дискурсом*, который разворачивается в контексте *медиационной парадигмы*. Последняя служит ядром, организующей сердцевинной смыслогенетической теории. Выходя своими корнями далеко за пределы гуманитарной сферы, она опирается на естественно-научный фундамент. Последний, в свою очередь, базируется на самом фундаментальном из дуальных различий — оппозиции мира эмпирического (наличного) (ЭМ) и мира квантового (потенциального), или, в терминах Д. Бома, имплицативного (ИМ). Более глубокие уровни дуального членения сознанию недоступны, а вне концепта дуальной оппозиционности бессодержательно само понятие медиации. Пограничная буферная зона, в которой осуществляется разворачивание и сворачивание имплицативных паттернов (квантовых систем), в результате чего в актуальном мире возникают *любого рода* феномены и явления, называется **психосферой**, а само преобразование квантовых интерференций в классические (в физической терминологии) объекты под действием интенционально-энергетических импульсов — **психосферной медиацией** (ПМ) (см.: [1]). Отталкиваясь от этих самых глубинных онтологических уровней, смыслогенетическая теория строит медиационные модели культуры. При этом «по пути» от квантовых уровней к культурным проходит уровень нейрофизиологический, на котором универсальный принцип дуализма проявляется в межполушарной асимметрии мозга¹, а формой продуктивной медиации, определяющей *критерий развития* человека-в-культуре, выступает смысл. Мир культуры, таким образом, — это мир смысловых оппозиций, эволюционно изменяющихся² в исторической динамике.

Поскольку источником всякого бытия оказывается ПМ, в ходе которой любая данность «вызывает» из квантового мира свою измененную в следующую наносекунду онтологию, ключевое значение приобретает вопрос о режимах и каналах ПМ. Последний для всех систем определяется *структурой и качеством* интенционально-энергетических потоков, а для культуры — еще и *психоментальными настройками* индивидуального или коллективного субъекта.

¹ «Имплантированность» дуального принципа в человеческий мозг проявляется и в том, что из пучка симультанных перцепций сознание, по крайней мере в его «нормальном» состоянии, вычленяет оппозиционные пары и на них фокусируется.

² Не все, впрочем, изменения следует считать эволюционными.

Вообще, состояние эволюционного дискурса в науках о культуре проблематичное, если не сказать тупиковое. Зонтичные термины: «*прогресс*», «*развитие*», «*эволюция*» и др. — основательно дискредитированы не только нестрогим и произвольным употреблением, но и содержательно. Существующая парадигма их применения обнаруживает все большую несостоятельность, а новой пока не предложено. Пасьянс факторного анализа никак не хочет складываться в ясную и «правильную» картину магистрального эволюционного движения; какой бы принцип (фактор) ни брался за основу эволюционной динамики, оказывается, что его реализация у разных народов и в разные эпохи предстает необъяснимо своеобразной; универсальных корреляций и непрерывных кумулятивных линий не прослеживается. Остается с грустью признавать, что «...социокультурная эволюция является результатом действия достаточно большого числа в высокой степени автономных разнонаправленных фундаментальных факторов, сравнительная значимость которых существенно меняется во времени и пространстве, и к тому же порождающих множество значимых вторичных факторов — технологический рост, диффузию, антропогенное изменение естественной среды и т. п. Все это является одной из объективных причин тех колоссальных трудностей, с которыми сталкиваются социологи и социальные антропологи в их попытках создать общую теорию социокультурной эволюции, и частично объясняет крайнюю незначительность результатов, достигнутых до сих пор на этом пути» [1. С. 45]. Лучше не скажешь.

Что же касается самих «фундаментальных факторов», на основе которых выстраивались линейные схемы эволюционной динамики, будь то принцип возрастания свободы (Гегель), смены общественно-экономических формаций (Маркс), усложнения форм политической организации (М. Салинс, Э. Сервис и др.), смены форм лидерства, нарастания гуманизма и т. д., то ни один из них не смог возвыситься над пестрым набором противоречий культурного бытия, охватить их собой и подчинить жесткой функциональной или хотя бы коррелятивной связи. Для таких «слишком человеческих» измерений, как «производительность труда, продолжительность жизни и социальное равноправие, на протяжении почти всей человеческой истории мы наблюдаем общую долгосрочную тенденцию к падению (с нередкими и исключительно значимыми для последующей эволюции “попятными движениями”), с достаточно поздним переломом тенденции (и при этом в рамках западно-европейской цивилизации), с последующим распространением контртенденции на большую часть мира» [Там же. С. 116]. Никакой из этих факторов, а также, добавлю от себя, уровень абстрактно понимаемой свободы, технологической оснащенности или «качества жизни» не годятся на роль ни показателя общей эволюционной направленности, ни даже ее устойчивого эпифеномена.

Видимо, шлейф линейных подходов будет тянуться еще долго. Однако на переднем крае науки смирились, похоже, с бесплодностью поисков стопроцентных функциональных зависимостей и, соответственно, линейных эволюционных схем. Это, в свою очередь, лишает почвы поиски неких генеральных принципов, тех самых «фундаментальных факторов», без которых уже давно ставшее эклектичным содержание понятия эволюции окончательно размывается в идеографии локальных процессов. Анализ и ранжирование линейных эволюционных концепций по количеству факторов, которые им удастся непротиворечиво скоррелировать, или оценка того, насколько подходы, заявляющие себя как нелинейные, на самом деле таковы, также в мою задачу не входят, как не входит в нее и объяснение смещения познавательного интереса в сторону

факторов социо- и политогенеза. Эта тенденция может быть оправдана для узко понимаемой социальной эволюции, но не для эволюции *Культуры* в целом.

Невозможность обнаружить означенные «фундаментальные факторы» подталкивает к релятивистским выводам об отсутствии общеэволюционных законов вообще. Мысль вязнет в «болоте фактов» и краткосрочных конъюнктур, не усматривая за ними никакой глобальной перспективы, ибо *конечной цели* у эволюции нет.

Но есть и другой подход: искать «фундаментальные факторы» в иных смысловых измерениях, подальше от «человеческого, слишком человеческого». Ведь если исходить из того, что в глобальной перспективе цель развития всякой системы задается извне, то генеральные эволюционные принципы *Культуры* и не должны содержать ничего «слишком человеческого». В утешение можно сказать, что осмысление и формализация наших интуиций по поводу этих сверхчеловеческих измерений в любом случае вписывают их в горизонт человеческого — с этим ничего не поделаешь.

Один из подходов, ищущих твердые эволюционные корреляции в стороне от «слишком человеческого»¹, отсылает к концепции, условно говоря, *энергетического метаболизма*². Представления о трансформации энергии и обмена ею между системами переносятся в культурно-историческую область. Не стану заниматься критикой такого подхода³ — полагаю достаточным отметить, что подобного редукционизма вообще не приемлю. В отношении к социокультурной эволюции энергетический метаболизм может устанавливать общие рамки и пороговые возможности, но он никоим образом не определяет ее содержания, как энергетический ресурс бензобака не определяет ни маршрута автомобиля, ни способа управления оным. К тому же нет никакой ясности насчет количественного и качественного сравнения форм энергии, «обеспечивающих» социокультурную динамику⁴. Не менее сомнителен и такой критерий, как эффективность использования энергии, трансформируемой социокультурной системой. Существуют ли универсальные показатели этой эффективности? И позволительно ли современные о ней представления экстраполировать на доиндустриальные эпохи, в особенности на древние и архаические общества, в которых человек не только не знал такого понятия, как «*эффективность*», но и принципиально не мог мыслить даже его отдаленными аналогами. Позитивист-модернизатор на это скажет: древние греки тоже не знали, что они древние, и что с того? А то, что как древние греки только для нас древние, так и параметр эффективности, простите за каламбур, эффективен только для нашего цивилизационного дискурса. Для древних же, даже если бы им объяснили, что под ним понимает современность, он все равно для них не значил бы ничего. В конечном счете поиски ответа на последние *зачем?* приводят к выводу о том, что эффективность — категория оценочная и зависит от системы ценностей в каждой локальной культурной

¹ Так, у Л. Уайта [3] человеческое начало принижается вульгарнейшим образом: человек оказывается не более чем пассивной и беспомощной шепкой, влекомой «потокм культуры».

² Этот подход, будучи инициирован еще в «энергетизме» Л. Освальда, из синергетики и физических эволюционных теорий был экстраполирован на эволюцию социокультурную (Л. Уайт, М. Салин и некоторые др.)

³ Такого рода критику, достаточно обстоятельную и корректную, можно найти, в частности, в работах А. В. Коротаева.

⁴ Косвенным подтверждением качественной разнородности действующих в культурных процессах энергий служит расплывчатая неопределенность в трактовке самого понятия энергии — от грубо физикалистского и утилитаристского (Л. Уайт) до полумистического и спиритуалистического у Кребера и Гумилева.

системе (ЛКС). Если, конечно, впадая в биологизаторство, не вменять культурам критерий эффективности, основанный на исполнении биопрограмм.

Иными словами, как процессы в биосистемах не редуцируются к физико-химическим уровням, так и эволюционное структурирование культур не редуцируется к биологическим и тем более к абиотическим процессам с их энергетическим метаболизмом. Поэтому физикалистские разговоры о том, к примеру, что направляющий автогенетический вектор социокультурной эволюции, как и всякой эволюции вообще, устремлен к интенсификации метаболизма, вряд ли могут что-то содержательно прояснить в динамике исторических процессов.

Культурный смысл, культурное действие, культурные практики, разумеется, обеспечиваются энергетически, но их роль в эволюционной динамике определяется не чем иным, как их собственным функциональным содержанием, которое при той же энергетической обеспеченности может иметь множество альтернатив. Пребыванием в *пространстве смысловых альтернатив* люди и отличаются от молекул газа, популяции муравьев или группы генов. И расширение этого пространства для системно усложняющейся человеческой ментальности и может, кстати сказать, претендовать на то, чтобы считаться *одним из сквозных трендов социокультурной эволюции*.

Итак, попытаюсь в самом общем виде очертить смыслогенетическую версию нелинейного подхода к эволюции и, соответственно, *принципу развития культур*. Нелинейность тут не отказ от эпистемы общеэволюционной динамики как таковой — глобальный взгляд на культурно-историческую эволюцию в любом случае допускает прослеживание некой *единственной равнодействующей множества синхронно протекающих процессов*; линейной (о равнодействующей) настолько, насколько линейна сама стрела времени. Речь идет о нелинейности, отражающей не просто рассогласованность ветвления линий эволюционного развития, но разнонаправленность самого этого развития в глобальном измерении.

Нелинейность эволюционных процессов в названном смысле задается их *двунаправленностью*: кардинальным различием, образно говоря, **вертикального и горизонтального типов эволюционирования** [2]. Второе — это изменения, ведущие к *адаптации и специализации* форм, тогда как первое¹ нацелено на внутрисистемные и кроссистемные ароморфозы, цель которых — достижение нового уровня проявления глобальных эволюционных векторов (ГЭВ). Последние обнаруживают себя в неуклонной кумуляции таких параметров, как *сложность* (ГЭВ-1), *дифференцированность* (ГЭВ-2), *плотность эволюционного фронта* (ГЭВ-3) и *субъектность* (ГЭВ-4)². ГЭВ следуют общим принципам кроссистемной эволюции. Если исходить из того, что векторы эти существуют, то следует также признать, что никакая система не может их задавать самостоятельно — они ей *трансцендентны*. Насколько далеко простирается эта трансцендентность и в чем она обретает свою «окончательную» онтологию, практического значения не имеет, ибо на эту тему нельзя представить ничего, кроме умозрительных спекуляций, отражающих не столько «объективную реальность», сколько структуру и возможности человеческого интеллекта.

¹ Идея вертикального типа эволюции перекликается с философской концепцией *эмерджентной эволюции* с ее скачкообразным появлением новых качеств — эмерджентов, образующих, соответственно, новые уровни существования. Новые эволюционные уровни, непредсказуемые и невыводимые количественно из предшествующих им форм, возникают, согласно эмерджентной концепции, благодаря некой устремленной к развитию нематериальной силе. В этом пункте, как, впрочем, в некоторых других, смыслогенетическая теория имеет свою точку зрения.

² ГЭВ «работают» и в горизонтальном эволюционировании, но здесь никогда не рождается качественно новых системных форм.

С учетом сказанного постулируем: ГЭВ *извне* для каждой эволюционирующей системы задают цель, которая опосредуется набором имманентных задач для ее подсистем, структур и компонентов¹. Если же допустить, что глобальная эволюция вообще имеет какую-то цель, то метафизические спекуляции на эту тему могут привести к гипотезе о том, что цель эта заключается в снятии (если не в гегелевском, то в прямом смысле) пространственно-временного континуума Вселенной. Гипотеза эта, впрочем, не дает ничего, кроме удовлетворения «метафизической озабоченности» ума, бессознательно жаждущего привести любую трансцендентность к финальной точке и тем самым «окончательно» с ней разобрататься с позиций объяснительного монизма.

Важно другое: если ГЭВ по отношению к любой системе, в том числе к *Культуре*², выступают как внешняя трансцендентная сила, то из этого следует, что:

- они действуют поверх всех внутрисистемных процессов;
- внутри каждой из систем не имеют равносильного «диалектического противовеса»; в этом смысле ГЭВ «метафизичны» и горизонт, за которым снимается их метафизичность, прочерчивается настолько далеко от границ всего человеческого, что построение умозрительных спекуляций на эту тему — занятие, не имеющее реального познавательного значения;
- фактором, усложняющим векторную кумуляцию ГЭВ и переводящим ее из линейного в спиральный тип движения, выступает *глобальный*, а не локальный для каждой системы принцип ритмического чередования доминант *интеграции и дезинтеграции*³, хотя конкретные режимы этого чередования определяются внутрисистемными факторами.

Внешний характер воздействия ГЭВ на системы не следует понимать вульгарно и механистично: в этом случае в сознании неизбежно всплывает образ некоей мистической, внешней по отношению к «дольнему» миру инстанции. Действуя в системе и «прорастая» в ее среде, физически и энергетически ГЭВ не отделены от ее материала, и привычная дихотомия направленной внешней силы и пассивной материальной субстанции здесь не годится⁴. Будучи в отношении к системе силой *внешней*, трансцендентной, ГЭВ, однако, действуют *изнутри* — как имманентная цель каждой самостоятельно эволюционирующей системы. Цель же состоит в установлении форм и каналов связи с ИМ — миром квантовых потенциалов. Формы, каналы и режимы этой связи определяют, согласно медиационной парадигме, глубинную онтологию системы и динамику роста воздействия медиационного фактора на реальность — от «ничего не меняющих» микрофлуктуаций до мутаций, порождающих прежде не существовавшие формы. **Возможность рождения новых форм обусловлена неустранимой асимметрией прямых и обратных связей ЭМ с ИМ/психосферой, а обмен интенциональными импульсами между мирами имеет не локально-точечный, а диффузно-полевой характер.** Как уже отмечалось, приходящий из ИМ ответ на интенциональный «запрос», посланный одной структурой сущего, принимается не ей одной, а целым сектором структур и форм, чья кван-

¹ Уместнее, впрочем, говорить не о цели, а о «системе с намерениями» (Д. Деннетт), но без одиозной телеологии.

² Пишу *Культура* с заглавной буквы, поскольку имею в виду не локальную культурную систему, а всеобщий принцип сверхбиологического существования и системную основу всех локальных культурных образований в истории.

³ Не случайно эволюционный процесс связывался с этими началами еще со времен Г. Спенсера.

⁴ В своих «классических» формулировках эта дихотомия давно дана в архив философской мысли, но при этом, уйдя в подсознание, она по-прежнему питает современную квазирелигиозную метафизику.

тово-полевая природа релевантна соответствующей интенциональности. Поэтому каждая структура перманентно испытывает воздействие потока интенциональных импульсов, в той или иной мере изменяющих ее состояние, а в эволюционных ситуациях — саму онтологию. Последнее происходит в ситуации резкого усиления асимметрии прямых и обратных связей с ИМ: в ответ на импульс сохранения в измененном виде приходит импульс структурной трансформации, изменяющей исходную структуру/онтологию источника импульса. Именно этот сектор изменений, в котором **императивная кумуляция ГЭВ преобразуется в стохастическую комбинаторных отношений медирующих с ИМ структур, целесообразно называть эволюционным. А динамика и направленность получаемых в результате изменений и есть развитие.**

Сектор изменений эволюционных, т. е. таких, в результате которых появляются ранее не существовавшие формы, внутренне неоднороден. Пока формы и каналы ПМ развиваются в рамках общей онтологии системы, речь идет об эволюционировании горизонтальном. Когда же эти рамки оказываются узкими и давление внесистемных потенциалов из ИМ становится критическим, происходит вертикальный эволюционный прорыв, и над материнской системой надстраивается дочерняя, по всем параметрам являющая следующий уровень проявления ГЭВ. Так, в биосистеме горизонтальное эволюционирование происходит в соответствии с широко понимаемым принципом естественного отбора, условно говоря по Дарвину¹, тогда как вертикальное — с принципом Дана, т. е. цефализацией.

Поясню еще раз: связь с ИМ есть первое условие всякого бытия вообще, а ее характер определяет вероятность актуализации. Напомню, что всякая система устремлена к максимальной самореализации, т. е. к осуществлению в ходе взаимодействия с окружением всех своих потенциалов. **Распаковка квантовых потенциалов и есть фундаментальная цель ПМ как у каждой системы, так и у всего сущего в целом. И эта распаковка, суть экспликация имплицитных потенциалов, тоже описывается эпистемой развития.**

На этом пути горизонтальная эволюция порождает максимальное разнообразие форм на умножающихся подсистемных уровнях. Когда же это разнообразие приходит в неразрешимое противоречие с необходимостью сохранить общесистемную конфигурацию, наступает эндогенный кризис, и вертикальный прорыв под действием ГЭВ совершают наименее специализированные формы. В результате над материнской системой надстраивается дочерняя: целостная, синкретическая, неразвернутая, но уже изначально нацеленная на более высокий уровень проявления ГЭВ.

Усложнение биологических форм под «ползучим» воздействием ГЭВ ускорило морфогенез и ослабило его зависимость от чередования больших климатических циклов, тем самым перевело эволюционирование в иной, более плотный пространственно-темпоральный режим (ГЭВ-3). То же произошло затем и с эволюцией культурной. Ускоряясь, она оторвалась от эволюции морфофизиологической (видовой). Ригидность животных инстинктов, их неспособность обеспечивать ПМ, адекватную усложняющейся когнитивности антропоидных предков человека, подтолкнула вертикальный эволюционный прорыв². В результате мозг, травмированный эволюционной болезнью, приобрел способность вырабатывать дискретные операциональные когнитивные единицы — смыслы. Начало оперирования смыслами, их ком-

¹ Условно, потому что современные представления о естественном отборе далеко ушли от классического дарвинизма.

² Здесь, впрочем, работал целый комплекс причин (см.: [1. Гл. 2]).

бинирование, выстраивание на их основе сложных и подвижных составных конструкторов означало рождение Культуры, эволюционно надстраивающейся над материнской биосистемой. Тот же алгоритм действует и в эволюционных переходах — от физиологии мозга к психике и от последней к ментальности. Неудивительно поэтому, что эволюция слоистой структуры ментальности повторяет путь от ядра к поверхности в эволюции мозга.

Прогрессия вертикальных ароморфозов порождает неизбежные конфликты: **тела и психики и затем психики и сознания**. Применительно к тому и другому можно говорить о драме отпадения эмансипирующейся части от материнской (суб) системной основы. В ходе этой поэтапной эмансипации первоначальное подчинение эволюции естественным законам, регулирующим биологическую природу человека и природные основы социальной самоорганизации, постепенно уступает место доминированию законов самой Культуры, что придает эволюции нелинейный¹ характер. Выражается он в том, что биоэволюция никогда полностью не растворяется в эволюции культурной² и ею не поглощается³. В определенные исторические моменты законы биоэволюции выходят из тени и зримо корректируют или даже направляют культурно-историческую динамику. В некоторых случаях возникающая при этом «турбулентность» обрачивается острейшими коллизиями. Например, усиление левополушарной когнитивности, проходившее в режиме имманентной эволюции мозга и затем психики, у архаического человека постоянно вызывало фрустрацию, провоцируя искусственные действия по нейтрализации оной. В широкой перспективе культурная корректировка биоэволюционных процессов оборачивалась фактором культурно-исторической эволюции.

Примечательно, что у современных первобытных народов (например, у аборигенов Австралии и др.) состыковка природных и культурных регулятивов состоит в искусственной (культурной) имитации природных явлений (обряд субинцизии⁴ и др.). Контролируя и направляя подвластные сознанию имитации, архаик как бы (?) распространяет свой контроль и на мир природных «оригиналов».

Таким образом, в истории постоянно происходит борьба естественных и искусственных правил (конвенциональных культурных норм) организации жизни. В ранней истории естественные царили почти безраздельно. Далее значение искусственных правил возрастает, и Культура все более строит себя сама, отклоняя, переламаывая или существенно корректируя естественные регулятивы. В общеэволюционной перспективе биокультурный дуализм, выступая источником культурной динамики и самоопределения субъектности человека и самой Культуры в их диалоге со своими биологическими основаниями, относится к разряду неразрешимых проблем. К примеру, де-

¹ Термин «нелинейность» относится к числу «зонтичных» — охватывающих множество несводимых друг к другу значений. Значение, в котором этот термин используется в смыслогенетическом контексте, не притязает на исключительное положение: единственно правильное или главное. Просто термин этот допустимо применять и здесь. Не более того.

² Многие авторы приравнивают культурно-историческую эволюцию к социальной, упуская из виду, что социальность имеет место и в животном мире и связывание феномена социальности исключительно с человеком давно стало анахронизмом. Во избежание путаницы буду называть антропный (постприродный) отрезок глобальной эволюции не социальной, а культурной или культурно-исторической.

³ К этому можно добавить, что адаптация к природной среде и к социокультурному окружению — далеко не совпадающие процессы.

⁴ Обряд заключается в подрезании полового члена у основания. Выделяемая при этом кровь понимается как симметричный аналог женской менструальной крови. На основе установления такого рода симметрии разворачивается пространство магической мифосемантики.

демографический фактор социогенеза всякий раз предстает итогом борьбы естественных и культурных регуляций, являя разнообразнейшие сочетания первого и второго¹. Благодаря возрастающей субъектности и системной сложности Культура более автоморфична, чем биосистема. Независимость от последней проявляется в том, что культуры начинают развиваться не столько отвечая на внешние вызовы², сколько за счет своих внутренних противоречий. Впрочем, и здесь выделяются два уровня: противоречия между надприродным принципом Культуры и его биосистемными основаниями и собственно внутрикультурные. Вообще, соотношения эндо- и экзогенных факторов эволюции в разные эпохи и для разных ЛКС могло бы стать специальным измерением для исследования эволюции культур.

Есть еще один аспект, в котором можно рассматривать раздвоение общеэволюционного процесса и, соответственно, дифференциацию расплывчатого термина «социокультурная эволюция». Речь идет о скоррелированных, но имеющих каждая свой собственный источник развития эволюционных линиях: *социальной и ментальной*. Иначе говоря, равнодействующая общекультурной эволюции складывается в диалектическом со-развитии форм социокультурной организации, с одной стороны, и генезиса структурных слоев и функциональных комплексов человеческой ментальности — с другой, что и образует дихотомию *культурно-культурного* и *культурно-человеческого*. Эволюционные теории, в центре внимания которых находится социо- и политогенез, ресурсы, производство и технологическая оснастка цивилизаций, человеческого измерения эволюции, как правило, не видят³. Человек в таких теориях выступает пассивным объектом воздействия калейдоскопически изменчивого набора внешних факторов, сам оставаясь по сути статичной единицей анализа с «универсальным» набором атрибутов, количественно изменяемых в ходе истории и описываемых главным образом в параметрах производительности труда, потребления, распределения, технологической сложности и некоторых др. Исследователи прямо не заявляют о том, что человек не имеет отношения к развитию культурогенных факторов эволюции, но молчаливо это подразумевают. К примеру, демографический фактор обычно подается как данность, совершенно независимая от человеческой субъективности, вернее, от культурных и ментальных обстоятельств, эту субъективность определяющих. Так и другие эволюционные факторы в человеческий мир приходят как бы ниоткуда, что позволяет заподозрить насквозь позитивистскую методологию таких теорий в неосознанном провиденциализме. Говоря о значении человеческой субъективности, я имею в виду не только пресловутую «роль личности в истории», хотя и здесь наблюдаются любопытные «диалектические качели». На фоне перемещения «центра управления» от естественных законов к культурным последние сами все более расслаиваются на законы макросоциальные (системно-институциональные) —

¹ Любопытный пример торжества культурной нормы над естественными демографическими регуляциями приводит А. В. Коротаев (см.: [1. С. 127—128]).

² Гипертрофия экзогенных факторов эволюции имеет место во многих теориях, а иногда даже берется за основу, как, например, в теории катастроф. И хотя роль последних не следует уменьшать, даже самые разрушительные катаклизмы изменяют лишь ход эволюции, но не ее общую направленность. При этом, замедляя локальное эволюционное время, катастрофы ускоряют время глобальное. Разрушение эволюционных систем останавливает или замедляет динамику развития в локальном времени, но тем самым способствует ускоренному переходу на новый системный или подсистемный, в зависимости от масштаба катастрофы, уровень, т. е. уплотняет темпоральные витки глобальной эволюции.

³ Впадающая в противоположную крайность психоаналитическая культурология, редуцирующая культурное к психическому, стоит особняком, и ее идеи представителями других направлений обычно не учитываются.

культурно-культурные и законы усложняющегося жизненного мира человека (микросоциальные) — культурно-человеческие. Если в архаических обществах флуктуационные изменения, которые не поддерживаются общесоциальными настройками, неизменно отторгаются и сглаживаются усредняющей нормативностью традиции, то позднее, в условиях существенно более развитой индивидуальной самости, субъектный фактор играет куда более заметную, в некоторых случаях решающую роль. Кроме того, не следует упускать из виду, что давление сколь угодно объективных и в этом смысле внешних факторов всегда оставляет человеку/группе пространство выбора. Последний может совершаться коллективно, неосознанно и при очень малом числе альтернатив. Но при всем этом в культурно-человеческом измерении он определяется ментальной конституцией индивидуума/группы, что уже исключает фатальную предопределенность внешними факторами. Иначе на сходные вызовы разные этнокультурные сообщества давали бы соответственно сходные ответы. А это далеко не так.

Разумеется, ментальная конституция эволюционирует не без воздействия внешних обстоятельств, но корень ее эволюции эндогенен и от внешних факторов не зависит, как не зависит от них, к примеру, смена возрастных стадий организма. Внешние факторы определяют лишь фенотипическое исполнение имплицитного структурообразующего принципа.

Ментальная эволюция — полноценная «половинка» общеэволюционной диалектики, не учитываемая позитивистской методологией, запуганной к тому же жупелом «расизма»: идея стратификации культурно-исторических типов на основе различий в ментальной конституции по идеологическим причинам по-прежнему воспринимается неприязненно. Однако диалектику *историко-культурной эволюции* без учета ментального фактора, т. е. логики *развития культурно-человеческого*, понять невозможно.

Рассуждая об эволюционных процессах, следует также помнить о разнице в масштабах между глобальным и локальным планами анализа, иными словами, между локальными эволюционными линиями и их глобальной равнодействующей. На локальных уровнях релятивизм, относящийся ко всем образам поступательного эволюционного движения с болезненным подозрением, торжествует победу. Здесь сквозная трансисторическая кумуляция каких-либо эволюционных признаков не наблюдается никогда, как не наблюдаются и универсальные зависимости. В любых обществах генеральные тренды всегда рано или поздно заходят в тупик, вязнут в энтропийных издержках культурного материала, срываются в деградацию, стагнацию, инволюционные сбои, архаизацию и иные формы рецессивного исторического движения. На этом основании релятивизм либо экстраполирует образ такого положения дел с локального на глобальный уровень, либо вовсе отказывается последнему в существовании, отрицая саму идею сквозного поступательного развития; ведь прямой и непрерывной преемственности между разнесенными в историческом времени и пространстве носителями переднего края эволюционного фронта не просматривается. Преемственность эта, впрочем, заметной будет весьма отчетливо, если отказаться от позитивистской (в широком понимании) методологии и увидеть *Культуру* как глубоко интегрированное системное целое, а связи между ее локусами осмыслить не механистично. На такое понимание и нацелена медиационная парадигма, и в частности концепция культурного поля. Релятивистские aberrации подогреваются еще и тем очевидным обстоятельством, что авангард магистрального (в нашей терминологии — вертикального) эволюционирования в борьбе за существование часто на локальных уровнях проигрывает отличникам эволюции адап-

тирующей (горизонтальной). Пионеры вертикальных эволюционных прорывов, опережая свое время, живут по законам системы, которой еще нет. Адаптация для них не самоцель, а лишь необходимое условие самопроявления. Цель же и содержание вертикальных ароморфозов обнаруживается лишь в долгой исторической перспективе.

Разделение *вертикального и горизонтального типов* эволюционного развития позволяет по-иному взглянуть на «проклятую» проблему детерминизма. Предметные науки, оставаясь, как правило, в пределах позитивистского горизонта, если и способны усмотреть в истории некую предопределенность, то предпочитают ее игнорировать — так им удобнее. Науки же теоретические с высоты своих абстрактных схем избегают снисходить до презренных фактов, поскольку понимают, что столкновение с ними для схем обычно кончается плохо. Можно ли здесь найти продуктивный паллиатив?

Принимая концепцию ГЭВ, следует исходить из того, что общее направление эволюционного процесса предопределено их макродинамикой, трансцендентной по отношению к внутрисистемным процессам. Можно сказать, что последовательные прорывы на более высокие по параметрам ГЭВ уровни, даже если они происходят на малых «участках» системы, со временем всю ее захватывают — вопреки ее собственной природе. Сверхается это нескоро, т. к. тому препятствует горизонтальное эволюционирование — адаптирующее и специализирующее формообразование, и вертикальное поначалу ему в большинстве случаев уступает. Однако любая эволюционная форма, представляя собой воплощенный компромисс, застывший слепок противоборства названных сил, в той или иной мере выходит за пределы чисто адаптационного морфогенеза. И, если огрубляя, можно сказать, что кумуляция ГЭВ и есть **предопределенное кросссистемное содержание** эволюции, то конкретные формы этой кумуляции определяются уже на локальных уровнях и зависят от обстоятельств названного противоборства в каждой эволюционной ситуации. Для обозначения этих обстоятельств целесообразно ввести специальный термин — «*эволюционный контекст*».

Так, в антропогенезе давление ГЭВ на наименее специализированные виды не могло не вытолкнуть гоминидов в режим вертикального эволюционирования, определившего фарватер их развития на протяжении по меньшей мере нескольких миллионов лет. Но общая его направленность никоим образом не выводится из конкретики локальных эволюционных обстоятельств в каждой временной точке. Изначально осуществляясь как бурное дивергентное развитие, давление ГЭВ продвигается широким фронтом и порождает ветвистый куст разнообразных эволюционных линий. При этом их вертикальная устремленность постепенно тормозится и гасится «перпендикулярной» силой адаптиогенеза (горизонтальной эволюцией), и большинство из них рано или поздно заходят в тупик. Можно сказать, что вертикальный вектор рано или поздно вязнет в материале, который «стремится» свое дальнейшее развитие ограничить специализирующим приспособлением к среде. Поэтому фронт вертикальной эволюции продвигается по принципу воронки. Первоначальное разнообразие форм схлопывается до узкого магистрального перехода к следующему эволюционному уровню¹.

¹ Применительно к антропогенезу это можно проиллюстрировать на примере цефализации — стержневого показателя вертикального морфогенеза. У *Homo habilis* объем мозга варьируется широко — от 500 до 800 см³. Но на следующую ступень вертикальной эволюции прорываются только носители самого большого мозга, и у архантропов он в некоторых случаях превышает 900 см³.

Так от пышного куста со временем остается несколько упрямо тянущихся вверх веточек, из которых, в конце концов, остается одна. Остальные либо во все отсыхают, либо маргинализуются. Такой вертикальной веточкой эволюции в среднем палеолите оказался прогрессивный вид африканских сапиенсов, вышедших из небольшой «популяции Евы». Какой-то из видов гоминидов в русле вертикального прорыва ГЭВ непременно должен был «вырваться из природы». Но то, что на финишной прямой оказались именно сапиенсы, не было предопределено заранее — таким оказалось стечение факторов в ряду локальных эволюционных контекстов.

Вообще, эволюционный контекст — это многоуровневая констелляция факторов. Распутывать ее — задача невероятно трудная. Любой акт анализа выводит за грань осмысления некий локус связей, которые вполне могут оказаться главными. С учетом этой оговорки можно все же наметить хотя бы основные направления анализа.

Если бы энергии психосферных образований можно было бы точно измерять, то их соотношения как факторов детерминизма событий в ЭМ следовало бы анализировать в первую очередь. Между психосферными «аттракторами» идет постоянная борьба, в которой более сильные энергии подавляют слабые, а более тонко структурированные энергии ускользают от господства грубых и сильных. Таков незримый фундамент любого рода эволюционного детерминизма, подспудно komponующего изменчивую мозаику случайных обстоятельств. Впрочем, последствия этих случайностей уже в следующем генетическом звене выступают как исходные и в этом смысле *закономерные* условия. Поэтому эпистемы случайности и закономерности здесь, строго говоря, не работают.

Так запускается прогрессия детерминизма, где каждый акт развития есть *отказ от определенной суммы альтернатив* и сужение коридора последующих изменений. В связи с этим возникает двойная исследовательская задача: установить конфигуративные границы эволюционирующего «объекта», т. е. определить его как целое, и понять, на какой стадии эволюционного самоограничения он находится в исследуемой ситуации. Иными словами, насколько «объект» укоренен в колее, заданной пройденными эволюционными развилками.

Важное направление в познании эволюционных процессов — определение сложностного состояния самой *среды эволюционирования*. С вертикальным эволюционным скачком в его зоне снижаются разнообразие и, соответственно, сложность материнской системы. Не случайно рождение новых системных качеств в культурах происходит, как правило, на фоне вторичных упрощений средового окружения: упрощения эти могут принимать вид деградации, архаизации, гомогенизации и т. п. Так сказываются системная исчерпанность стратегии «экстенсивного» горизонтально-адаптирующего развития и вызревание предпосылок для вертикального прорыва. Поэтому сравнительный анализ сложности среды проясняет силу и характер вертикального давления ГЭВ. Особенно следует присматриваться к минимально специализированным формам.

И разумеется, важнейшая и практически невыполнимая задача в анализе локального эволюционного контекста — хотя бы грубое отделение эндогенных факторов развития от экзогенных. Обобщенно говоря, горизонтальная эволюция проявляется главным образом в *экзогенных* факторах, тогда как вертикальная — в *эндогенных*. Экзогенность факторов адаптирующей (горизонтальной) эволюции достаточно очевидна, а вот насчет вертикальной следует кое-что пояснить.

Напомним, что появление ранее не существовавших эволюционных форм берет начало в ИМ и коренится в переходе от «отработанного» пакета воплощений к другому, который несет в себе возможность следующего шага восхождения ГЭВ. Между разрозненными компонентами будущего инновативного комплекса устанавливается имплицитная полевая связь. Сами же компоненты суть «отходы производства» горизонтальных адаптаций — главным образом материал избыточного разнообразия, скапливающийся на периферии материнской системы. Чем менее адекватны условиям среды сложившиеся в системе специализирующие адаптации, тем больше возникает диссистемных элементов, плотнее названная полевая связь и сильнее интенциональная устремленность к воплощению инновативного комплекса. Разрастающаяся сеть взаимореlevantных интенционально-энергетических связей в конце концов порождает мощный психосферный потенциал, своего рода аттрактор, который «прорывается» в ЭМ, создает в нем узел притяжения вероятностей, как только для этого появляется возможность.

Вообще, степень и характер вовлеченности форм в вертикальное эволюционное развитие напрямую зависят от способности структур к *дискретизации* (ГЭВ-2). Процесс этот, будучи проявлением вертикального давления ГЭВ на структуры материнской системы, снижает внутрискруктурные функциональные связи и увеличивает комбинаторные возможности освобождающихся от этих связей элементов. Коль скоро это первое условие и двигатель вертикальной эволюции, то одним из важнейших направлений дискретизации предстает развитие самого ее *источника*. С каждым шагом вертикальной эволюции он становится все более «внутренним». Так, бисистемный человеческий мозг уже оснащен таким «внутренним дискретизатором» — механизмом смыслопорождения, «развинчивающим» целостные блоки биопрограмм и «разгештальтирующим» синкретические перцепты. Вовлеченность же в горизонтальное, адаптационно-специализирующее эволюционирование, напротив, всячески блокирует дискретизацию и комбинаторику структурных (если говорить о ментальности — смысловых) элементов. Это можно легко показать на примере типов культурного сознания. Архаическое сознание, находящееся на низком уровне системной и комплексной сложности, инертно, синкретично и в минимальной степени способно к дискретизации и комбинаторике смыслов. Такое мышление оперирует готовыми мифосемантическими связками-стереотипами, что, однако, может прекрасно сочетаться с высокой степенью специализаций. Человек-функция плохо различает знак и означаемое, не понимает условности культурных установлений, принимая их как нечто естественно-органичное. Неспособный к самостоятельному творческому смыслообразованию отличник горизонтальной эволюции — идеальный объект культурной манипуляции, пассивный элемент трансперсональной ментальной сети. Мощное блокирование как структурной (игра форм), так и семантической комбинаторики внутри стереотипных смысловых структур исключает носителя такого сознания из имманентного вертикального эволюционирования и делает его беззащитным перед внезапным изменением социокультурной среды. В этом смысле носитель современного обыденного сознания — наследник архаического индивида — более уязвим, нежели последний, ибо тот не имеет таких сложных и узких специализаций и его ментальность еще несет в себе отзвук первобытной синкретической универсальности.

Спускаясь с абстрактного уровня обобщения, на котором видится лишь равнодействующая разнонаправленных эволюционных линий, нужно говорить не об одной, а о **двух эволюциях**. Альтернативой этому вынужденному

усложнению подхода может быть только продолжение попыток исчислить «квадратуру круга» — построить всеобъемлющую непротиворечивую теорию «эволюции вообще», основанную на принудительном приведении «к общему знаменателю» факторов принципиально разнородных и несоизмеримых.

Итак, говорить о магистральном, кумулятивно-поступательном развитии можно только в связи с вертикальным направлением эволюции. Адаптирующие специализации (горизонтальная эволюция) рождают новые формы, но *никогда не рожают новых системных качеств*. Появляются они там и только там, где вертикальное давление ГЭВ в силу всякий раз особых обстоятельств преодолевает горизонтальные силы адаптации-генеза, что узнается по исключениям из общего ряда горизонтальных ароморфозов. Если же исследовать те стадии эволюции, на которых вертикальная эволюционная устремленность пока еще латентная или полуплатентная, то приходится ее эксплицировать посредством специальной реконструкции эволюционного контекста.

Реконструкция эта требует отказа от некоторых устоявшихся стереотипов. Первый состоит в представлении о магистральном эволюционировании как о чем-то естественно-императивном, предопределенном, само собой разумеющемся и потому не нуждающемся в специальных объяснениях: дескать, развивается потому, что должно развиваться, возникает потому, что не могло не возникнуть, и далее в таком духе. В силу такой установки вертикальные эволюционные ароморфозы представляются сплошной прогрессией поступательного развития, вменяемого в качестве общей нормы всему существу. Что же до регресса, стагнации, архаизации и т. п., то они, во-первых, рассматриваются как отклонение от нормы, во-вторых, значение их недооценивается, так что они, в-третьих, вытесняются на периферию исследовательских интересов¹. Второй стереотип — стойкая уверенность в том, что системные эволюционные изменения должны рано или поздно охватить все формы и структуры.

Между формами/структурами, самостоятельно совершающими вертикальный прорыв в новое эволюционное качество, и формами, которые этот опыт воспринимают как внешний вызов и реагируют на него в режиме приспособительных изменений, существует принципиальное различие. Одно дело, к примеру, общества, сами совершившие прорыв к государственности, и другое — общества, которые вынуждены были принять государство как навязываемую извне форму социальной организации.

Итак, в смыслогенетической теории принцип развития связывается с ПМ (напомню, психосферной медиацией) — интенциональным взаимодействием имплицитного и эксплицитного (эмпирического) миров. Тот сектор распаковки имплицитных паттернов, в результате которого рождаются не бывшие ранее формы-носители более высокого и сильнее выраженного уровня ГЭВ, можно в самом общем виде назвать **развитием**. При этом направленность развития соответствует двум типам эволюционирования: горизонтальному и вертикальному. Горизонтальное развитие — это рождение новых форм на пути адаптирующих специализаций. Вертикальное — рождение новых системных качеств. Это — развитие межсистемного уровня. Соответственно, любого рода инволютивные процессы к развитию отношения не имеют. Хотя в определенном смысле можно говорить и о развитии стагнации, деградации, редукции и т. п. Такое употребление термина требует специальных оговорок.

The article devoted to a brief exposition of the evolutionary concept from sense-genetic theory of culture position. Turning to some of the methodological problems related to common scientific world-

¹ В последнее время отношение к не-эволюционным и рецессивным формам исторического движения изменилось, но это пока всего лишь тенденция, которой предстоит принести свои плоды.

view and approaches, the author besides his critical notes, declares his own concept. It consists of interpretation of the evolutionary process as a bidirectional: dimensions: horizontal and vertical. If the horizontal vector of evolution directed toward specializations and adaptations of existing forms, the vector vertical generates qualitatively new form. A preliminary explanation of this dichotomy, and correlating it with the term «development» — is the main content of the article.

Keywords: evolution, development, psychosphere, psychospheric mediation, vector, subjectivity, culture, dynamic, vertical, horizontal.

Литература

1. *Коротаев, А. В.* Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции / А. В. Коротаев. — М., 2003.
Korotaev, A. V. Social'naja jevoljucija. Faktory, zakonmernosti, tendencii / A. V. Korotaev. — М., 2003.
2. *Пелипенко, А. А.* Культура и смысл / А. А. Пелипенко. — М.: РОССПЭН, 2012.
Pelipenko, A. A. Kul'tura i smysl / A. A. Pelipenko. — М.: ROSSPJeN, 2012.
3. *White, L.* The Science of Culture / L. White. — N. Y., 1949.

Развитие психики и специфика процесса ее развития

В. Н. Марков

Ресурсы развития психической структуры¹

В статье процесс развития психики рассматривается с точки зрения концентрации и балансирования его ресурсов. При этом само психическое развитие является ответом на внешние вызовы и имеет внутренние механизмы, представленные в виде атомарной и радиальной моделей. Этап формирования личности описывается атомарной моделью, включающей внутренние слои потребностей, ценностей и знаний и внешние слои «второй природы», известного и неизвестного мира. На этапе взрослости более адекватна радиальная модель, отражающая формирование различных способностей, используемых в ведущих видах деятельности. Основным инструментом анализа развития на этом этапе предлагается потенциал личности. Предполагается, что переход от одной модели к другой связан со становлением целостной личности. Отмечается, что процесс глобализации современного общества аналогичен достижению психической структурой состояния определенной целостности, что может обеспечить более широкую социальную трактовку разработанных моделей на основании идеи масштабирования.

Ключевые слова: ресурс, структура, закон сохранения, атомарная модель, потребность, ценность, знание, радиальная модель, способность, концентрация, сбалансированность, потенциал, масштабируемость.

И если ты долго смотришь в бездну,
то бездна тоже смотрит в тебя.

Ф. Ницше. По ту сторону добра и зла.
Прелюдия к философии будущего

Традиционно **развитие в философии** рассматривается как «высший тип движения, изменения материи и сознания; переход от одного качественного состояния к другому, от старого к новому» [15]. Успехи в развитии теории систем и синергетики добавили новых граней в это определение. Так, Б. Грушин подчеркивает, что «качественный характер изменений в процессе развития находит свое выражение в том, что развитие есть переход от структуры одного качества (характеризующейся одним количеством, порядком и характером зависимости составляющих) к структуре другого качества» [15]. Другой известный советский философ Э. Г. Юдин выделяет такие специфические свойства развития, как «необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов» [16]. Знаковой вершиной в философском осмыслении развития явилась (и во многом до сих пор остается) фи-

¹ Работа поддержана грантом РГНФ № 14-06-00677 «Темпоральные характеристики профессиональной карьеры».